1 сентябр. 23 г. Paris, Rue Berthollet, 16.

Дорогая моя!

Не умею, право не умею и о чем начать писать. У меня много новаго и интереснаго нет, а в Париже теперь такая тишина, что заснуть можно. Вероятно, скоро парижане начнут сокращаться и отвык снимать

В конце письма, между рукопожатием и именем. Всего хорошаго" тут вставил фразу: „Вера недорева". Вероятно это значит, что она не очень больна, на что не менее прошу тебя написать мне, какая она недорева и как ея здоровье теперь.

Получил от отца тебя поклон через Абр. Колона. Он даже просил идти к ~~нему~~ дерзкая ~~раза~~ раз. Признаться, сильно разочаровал он меня. Глупый, но самодовольный, но c'est tout и он не можешь ~~заработать~~ как это говорится — на высотах своего положения. Кроме ро-

Кстати, ~~уже~~ не ~~нужно~~ и не нужно. Мне не нужно книг, кроме Спенсера и моей французской Сашины. Также нужна черная „Вещ" (или Весенний Пейзаж). Не тут именно этого мне и не прислали. Сейчас ты могу упаковать их куда и прислать мне все это по рек. Фар., а если не можешь по почте) и Ей бы тебя признаться. (не забудь виды Обергофена) Если можно, пришли наперстный глаженей, а то я пришлю сколько Фалькенштейн, если у тебя есть икра — тоже. Розмарин, пришли.

Пишешь Вера, у Кнора не хватит и говорит — правда обрисует Фешкер — что мы сейчас ситуацию Маркса понимаем. Впрочем, твое мнение основано на знании Германии.

Пишешь неуверенно на каком языке, знаешь твоего будущего устроителя тут ограничиться. А про Маркса Кстати мой, что даже с этим старикашкой выдумывает Одна Рада вся ребра ему обломать, сильно давить!

Целую тебя, Дорогая моя, крепко, крепко. Пиши чаще. Твой верный друг Сем. Вышлю тебе Вечерний Пейзаж, Пьеро, Пьеро, Пьеро

он в своих рассказах говорит за Достоевского, изрекает, шаржирует и вообще держится себя не как „пророк". Я думал, что его уроки в нем про он выкурит надо маской, а оказывается, что маска оттиснется его ~~на видавшему~~ главн. образ. нашему, ~~что~~ что он учится наблюдательности тонко и уравновешенно, кроме того он мастер замечательно образно говорить и выражать виртуозно в рабочей обществе.

По французски он говорит не дурно, хотя далеко не хорошо, но во второй раз, по русски (в Кенигсберг. Вычет в ев. Дмит. в Америке) до того скверно, смешно, что досада берет, как вспоминает.

Вечера с разочарованиями: на второй день по приезд. невесело, я был у П. А. Зонтага и Войновых. 3) Я спросил П. А., что он за человек, я

дух одного такого случая не знаю отвечает П. А. — Он наш соотечественник. Данных о Совинском 4) мы не решились их комментировать. Знаю, как П. А. стыдился в своих отзывах о этих данных. ~~самого~~ Кроме прирожденного лгера, я думаю, что это вполне верно. Увы, брат, в заграничной эмиграции „настоящих русских интеллигентов — революционеров" кажется ни одного на найдешь. Я конечно не говорю о П. А., который исключительно высок сравнительно со всеми, кого я знаю здесь и в России. Это в нашей стране очень сильная <u>сильная личность</u>.

Пришли посмотреть карроссерию, а он сломался — и вашу в нем и свою надежду прямо.

Рукописи перед Шейнц. 5) я посмотрел, но эти черновики меня